

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Организованный юридическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова Всероссийский уголовно-правовой форум имени М.Н. Гернета объединил представителей ведущих российских вузов – аспирантов и соискателей, молодых лидеров научного осмысления глобальных теоретических и связанных с ними прикладных проблем уголовной ответственности. Все они представили научные работы по темам своих диссертационных исследований. Многие из участников форума являются адвокатами, преподавателями вузов и практикующими юристами, что позволило им с разных сторон оценить поднятые проблемы и предложить варианты их решения.

Научные материалы, представленные в сборнике, можно отнести к нескольким направлениям:

- проблемы искусственного интеллекта и уголовного права;
- ятрогенные преступления;
- преступления в сфере экономики (сокрытие капиталов за границей, похищение денежных средств под видом долевого строительства, «черные копатели»);
- криминологическая характеристика и профилактика коррупционных, террористических и экстремистских преступлений;
- международные преступления (геноцид, агрессия).

Также в сборнике поднимаются проблемы похищения персональных данных и «кражи личности» – преступления, уже получившего законодательное закрепление во многих странах.

Трудно представить более насыщенный сверхактуальной для судей, следователей и адвокатов информацией научный форум, на котором были озвучены мнения, равно опирающиеся как на исследования, проводившиеся ранее в российской и зарубежной доктрине, так и на личный анализ иногда сравнительно богатого, а в ряде случаев собираемого буквально по крупницам эмпирического материала.

Особая значимость избранных для глубокого анализа проблем заключается в том, что они являются частью диссертационных исследований, т.е. предваряют готовящиеся к защите в ближайшем будущем научные работы, которые, несомненно, окажут влияние на формирование уголовно-правовой доктрины. Заинтересованный

взгляд разработчиков данных тем, научно-методический, во многом ориентированный на практиков исследовательский подход – справедливые характеристики представленных в настоящем сборнике материалов.

Уверены, что предлагаемый к ознакомлению сборник будет полезен не только в научной, но и в практической деятельности читателей.

А.В. Малешина, кандидат юридических наук, доцент
М.А. Филатова, кандидат юридических наук, доцент

Культурный геноцид или этноцид как вид преступления геноцида

Г.В. Мирзаханян,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова¹

На сегодняшний день понятие геноцида закреплено в нескольких международно-правовых актах. В Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 г. (далее — Конвенция 1948 г.), под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично одну из четырех защищаемых групп: расовую, национальную, этническую или религиозную.

В соответствии со ст. II указанной Конвенции объективная сторона геноцида состоит из пяти альтернативных элементов:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Подобное определение преступления геноцида было закреплено в Римском статуте Международного уголовного суда, принятом в 1998 г.²

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент А.В. Малешина.

² Rome Statute of the International Criminal Court, (2002) 2187 UNTS 90. Art. 6.

Вышеуказанная дефиниция геноцида не является бесспорной и, на наш взгляд, нуждается в расширении. Предпосылками для этого выступают как объективные исторические и социальные реалии, так и ряд судебно-правовых позиций, изложенных в решениях международных трибуналов.

Еще до закрепления понятия геноцида в международно-правовых актах, во время проведения послевоенных нюрнбергских процессов, особое внимание было направлено на оценку культурных аспектов нацистского геноцида. В деле «Соединенные Штаты Америки против Ульриха Грейфельта и других» (дело RuSHA) ряду государственных деятелей было предъявлено обвинение в участии в «систематической программе геноцида», которая включала «ограничение и подавление проявления национальных особенностей»¹. В ходе процесса было доказано, что обвиняемые выполняли приказы о «германизации» населения, и их деяния, имеющие геноцидальный характер, были совершены как часть систематической программы геноцида с целью уничтожения как государств, так и отдельных этнических групп, в том числе путем ликвидации их национальных характеристик. В другом послевоенном решении Артур Грейзер был признан виновным в «геноцидальных нападениях на польскую культуру и образование»².

В ходе разработки Конвенции 1948 г. ожидалось, что ответственность за подобные деяния также будет закреплена на международном уровне. Более того, ряд правоведов, в том числе Рафаэль Лемкин, выступали за включение культурного геноцида в определение преступления. Автор создания концепции геноцида определял последний как уничтожение культурных, языковых и религиозных характеристик группы людей, указывал, что группа не может существовать, если не сохраняется ее духовное и моральное единство³. Культурный геноцид, по его мнению, включал в себя искоренение и уничтожение культурных ценностей, например произведений литературы и искусства, сооружений, а также запрет проведения культурных мероприятий⁴.

¹ Records of the United States Nuremberg war crimes trials: United States of American [sic] v. Ulrich Greifelt et al. (case VIII), October 10, 1947-March 10, 1948. P. 36–42.

² Poland v. Greiser, (1948) 13 LRTWC 70 (Supreme National Tribunal of Poland). P. 71–74; 112–114 and 105.

³ Sandhar J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans Santander Art and Culture // Law Review. 2015. P. 180.

⁴ Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 93–94.

В современной научной литературе и источниках международно-правового регулирования наряду с термином «культурный геноцид» можно встретить и термин «этноцид»¹. Сложилось два подхода к пониманию их соотношения. Сторонники первого считают, что термином «этноцид» обозначается физическое уничтожение групп людей, и сам термин необходимо использовать именно таким образом, чтобы подчеркнуть этнический аспект геноцида², сторонники второго подхода полагают, что термины являются синонимами.

Попытки обозначения как этноцида геноцида этнической группы, выражающегося в ее физическом уничтожении, связаны с определением самой категории этнической группы: на данный момент утвердилось понимание такой группы как общности, основанной на едином историческом пути развития, языке, традициях и культуре. Данная позиция была сформулирована в ряде решений международных трибуналов³. Например, в деле Жан-Поля Акайесу Судебная палата Международного уголовного трибунала по Руанде указала, что «этническая группа обычно определяется как группа, члены которой имеют общий язык или культуру»⁴. Безусловно, явление этноцида не тождественно геноциду этнических групп, например, оно может касаться и религиозных групп в случаях, когда разрушаются религиозные святыни или устанавливается запрет проведения религиозных ритуалов. В связи с этим как в научной литературе, так и в международно-правовых актах термин «этноцид» рассматривается в качестве синонима термина «культурный геноцид».

В процессе разработки Конвенции 1948 г. указание на культурный геноцид было исключено из проекта, несмотря на то, что ряд стран настаивали на его закреплении (в частности, с такой позицией выступали СССР, Ливан, Польша, Китай и Венесуэла)⁵.

Противники установления юридической ответственности за культурный геноцид привели несколько доводов. Делегация Бразилии

¹ *Ben Kiernan. Genocide and «Ethnic Cleansing» // The Encyclopedia of Politics and Religion. Vol. I. Washington, 1998. P. 295.*

² Например, подобный подход был высказан делегатами на 39-м Всеамериканском конгрессе по индейцам, проходившем 9 июля 1970 г. в Лиме, в связи с истреблением нескольких десятков тысяч индейцев в штате Мату-Гросу в Бразилии.

³ *Prosecutor v. Karemera. Case No. ICTR-98-44-T, Arusha, 2 February 2012.; Prosecutor v. Setako. Case No. ICTR-04-81-A/-T, T. Ch. I, 25 February 2010.*

⁴ *Прокурор v. Акайесу. Комментарий (в кн.: Андре Клип, Горан Слейтер. Аннотированные ведущие дела международных уголовных трибуналов. Т. 2: Международный уголовный трибунал по Руанде 1994–1999. Антверпен: Intersentia, 2001. С. 539–554.*

⁵ *UN Doc. A/C.6/SR.74 (Morozov, Soviet Union).*

высказала опасение, что «некоторые меньшинства могли бы использовать культурный геноцид как предлог для того, чтобы выступить против совершенно естественной ассимиляции в новых странах»¹. Часть представителей делегации придерживались позиции, согласно которой культурный геноцид является проблемой прав человека и по этой причине он не должен быть закреплен в международном акте о геноциде.

Ключевой аргумент в пользу исключения культурного геноцида из текста Конвенции 1948 г. состоял в том, что геноцид должен включать в себя наиболее серьезные преступления, соответственно, он должен быть ограничен в основном «физическими и биологическими актами»². Предполагалось, что такое ограниченное определение геноцида приведет к минимальному вмешательству во внутренние дела государств, а также ограничит геноцид наиболее вопиющими случаями и, следовательно, укрепит идею о том, что геноцид действительно является «преступлением из преступлений».

Возражение Бразилии, касающееся ассимиляции, представляется обоснованным, но указанный довод не настолько значителен, чтобы отвергать идею включения культурного геноцида в определение геноцида как таковое. Кроме того, правовые различия между принудительной ассимиляцией и естественным процессом ассимиляции можно было отразить в тексте Конвенции о геноциде 1948 г. в виде оговорки.

Также стоит отметить, что сегодня не только сложно, но и нецелесообразно искусственно отграничивать вопросы международного уголовного права от аспектов, касающихся прав человека. Физическое уничтожение группы отличается от посягательства на права ее членов. Однако группы не имеют статуса и ценности, которые были бы независимыми от статуса и ценности конкретных индивидов. Более того, в ходе совершения такого массового и масштабного преступления, как геноцид, невозможно не нарушить права человека, что, однако, не должно лишать группы, подвергшиеся культурному геноциду, соответствующей защиты.

Консенсуальным можно признать решение о включении одного аспекта культурного геноцида в итоговый текст Конвенции 1948 г., а именно п. «e» ст. II, касающийся насильственного перемещения

¹ UN Doc. A/C.6/SR. 133 (Amado, Brazil).

² Prosecutor v. Radislav Krstic. Case No. IT-98-33. Judgment (Chamber of Appeal). 19 April 2004. Para. 25.

детей из одной группы в другую. В результате такого перемещения идентичность детей утрачивается в процессе последующего взросления и воспитания, исключающего возможность использования родного языка, изучения культуры, религии и традиций, присущих их «родной» группе. Таким образом, происходит постепенное физическое уничтожение социальной группы, подвергнутой геноциду указанным способом.

Наглядным историческим примером насильственной передачи детей из одной социальной группы в другую является формирование янычарских полков в Османской империи. Мальчики изымались из семей в раннем возрасте, чтобы исключить возможность сохранения в памяти своего этнического происхождения и религиозной принадлежности¹.

В практике международных трибуналов неоднократно затрагивался и вопрос квалификации актов культурного геноцида, не связанного с п. «е» ст. II Конвенции 1948 г. В деле Радислава Крстича, рассмотренного Международным трибуналом по бывшей Югославии, отмечено, что разрушение культуры может служить доказательством для подтверждения намерения уничтожить группу как таковую. В данном случае разрушение главной мечети подтверждало намерение уничтожить часть боснийской мусульманской группы, проживавшей в Сребренице².

Подобный подход был реализован и в деле Радована Караджича. Судебная палата Трибунала пришла к выводу, что разрушение мечетей или католических церквей направлено на уничтожение многовекового присутствия группы или групп; разрушение библиотек направлено на уничтожение культуры, которая обогатилась благодаря участию различных национальных компонентов населения³.

Вышеназванные решения указывают на желание правоприменителей избежать квалификации уничтожения культурных объектов как культурного геноцида при их рассмотрении в качестве обстоятельства, подтверждающего умысел на физическое уничтожение социальной группы.

Этнические группы, подвергшиеся культурному геноциду, обычно теряют историческую память или значительную ее часть, в ряде случаев

¹ Жигалова Н.Э. Записки о янычарах: византийские писатели о турецкой системе девширме // Научные ведомости БелГУ. 2017. № 15. С. 70–77.

² Prosecutor v. Krstic. Case No. IT-98-33. Appeal Judgment. 19 April 2004. Para. 25.

³ Prosecutor v. Karadžić et al. Case No. IT-95-5-I. Indictment. 25 July 1995. Paras 31, 94.

также утрачиваются историческое самоназвание групп, язык, культура, вероисповедание, имеет место ассимиляция, либо указанные группы занимают подчиненное, угнетенное положение по отношению к тем, кто подверг их культурному геноциду¹. Культурный геноцид может проводиться как через политику ассимиляции, так и в процессе становления новых наций через уничтожение или изменение самосознания старых (или их части).

Вместе с тем культурный геноцид фактически совершается и в наши дни. В частности, с 2014 по 2015 г. в районах, попавших под контроль террористической организации «Исламское государство», запрещенной в Российской Федерации, была проведена кампания по «культурному очищению», в ходе которой были уничтожены артефакты и исторические места². В ходе этой кампании ущерб был нанесен шиитским исламским территориям, в том числе имело место разрушение храмов, памятников и культурных артефактов, которые не соответствовали законам «Исламского государства».

Критики Конвенции 1948 г. продолжают настаивать на необходимости включения в нее положений, предусматривающих международно-правовую ответственность за совершение культурного геноцида³. Однако ни Комиссия международного права ООН, ни разработчики Римского статута Международного уголовного суда всерьез не рассматривали возможность включения культурного геноцида в список наказуемых деяний, признавая, что «культурный геноцид» не подпадает под действие Конвенции 1948 г.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что процесс развития международного уголовного права не стоит на месте. Возможно, в будущем культурный геноцид будет закреплен в Конвенции 1948 г. в полном объеме. События последнего десятилетия прошлого столетия, акты вандализма, совершенные боевиками «Исламского

¹ *Мархель С.* Этноцид русскоязычного населения Украины: доклад в рамках Дополнительного совещания ОБСЕ по рассмотрению выполнения обязательств в области человеческого измерения HDIM 2018 (Варшава, 10–21 сентября 2018 г. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/d/398159_0.pdf (дата обращения: 27.04.2022).

² Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/news/yunesko-prizyvaet-mezhdunarodnoe-soobshchestvo-okazat-pomoshch-v-vosstanovlenii-kulturnogo> (дата обращения: 27.04.2022).

³ *Whitaker B.* Revised and updated report on the question of the prevention and punishment of the crime of genocide / prepared by B. Whitaker. Geneva: UN, 2 July 1985. P. 17. Para. 32; *Lippman M.* The Development and Drafting of the United Nations Convention Against Torture and Other Cruel Inhuman or Degrading Treatment or Punishment // *Int'l & Comp. L. Rev.* 1994. N 275. P. 62–63.

государства», запрещенного в Российской Федерации, указали на актуальность проблемы защиты культурных ценностей социальных групп, а также на необходимость криминализации культурного геноцида.

Нормативные-правовые акты и иные документы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 г. (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН).

2. Римский статут Международного уголовного суда (принят 17 июля 1998 г. на дипломатической конференции в Риме). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 29.04.2022).

3. Резолюция 96 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1951 г.

4. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. (принят резолюцией 927 (1993) Совета Безопасности ООН).

5. Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках (принята на XX сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры 27 ноября 1978 г.).

6. Закон о наказании нацистов и их пособников. Сефер Ха-Чукким № 57. Авг. 26, 5711 (9 августа 1950 г.). URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Gesetz_zur_Bestrafung_von_Nazis_und_Nazihelfern

7. Report of the International Commission of Inquiry on Violations of International Humanitarian Law and Human Rights Law in Darfur. Pursuant to Security Council Resolution 1564 of 18 September 2004. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/com_inq_darfur.pdf. Para. 50

Литература

1. *Андре Клип, Горан Слейтер*. Аннотированные ведущие дела международных уголовных трибуналов. Т. 2: Международный уголовный трибунал по Руанде 1994–1999. Антверпен: Intersentia, 2001.

2. *Жигалова Н.Э.* Записки о янычарах: византийские писатели о турецкой системе девширме // Научные ведомости БелГУ. 2017. № 15.

3. *Трайнин А.Н.* Борьба с геноцидом как международным преступлением // Советское государство и право. 1948. № 5 (май).

4. *Ben Kiernan.* Genocide and «Ethnic Cleansing» // The Encyclopedia of Politics and Religion. Vol. I / ed. by Robert Wuthnow. Washington: Congressional Quarterly, 1998.

5. *Lemkin Raphael.* Axis Rule in Occupied Europe. Washington, 1944.

6. *Malcolm N. Shaw*. Genocide and International Law // International Law at a Time of Perplexity (Essays in Honour of Shabtai Rosenne) / ed. by Yoram Dinstein. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1989.

7. *Schabas William A*. Genocide in International Law. The Crime of Crimes, 2nd ed., Cambridge, 2009.

8. *Sandhar J. K*. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans *Santander Art and Culture* / J. K. Sandhar // *Santander Art and Culture Law Review*. 2015. № 1.

Судебные решения

1. Prosecutor v. Krstić (Case No. IT-98-33-A). Judgment. 19 April 2004.

2. Prosecutor v. Jelisić (Case No. IT-95-10-T). Judgment. 14 December 1999.

3. Prosecutor v. Karemera (Case No. ICTR-98-44-T). Arusha. 2 February 2012.

4. Prosecutor v. Karadžić et al. (Case No. IT-95-5-I). Indictment. 25 July 1995.

5. Poland v. Greiser, (1948) 13 LRTWC 70 (Supreme National Tribunal of Poland).

6. Prosecutor v. Setako (Case No. ICTR-04-81-A/-T). T. Ch. I. 25 February 2010.

7. Records of the United States Nuremberg war crimes trials: United States of American [sic] v. Ulrich Greifelt et al. (case VIII), October 10, 1947, March 10, 1948. National Archives microfilm publications., Pamphlet describing. URL: <https://www.archives.gov/files/research/captured-german-records/microfilm/m894.pdf>

Электронные ресурсы

1. Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/news/yunesco-prizyvaet-mezhdunarodnoe-soobshchestvo-okazat-pomoshch-v-vosstanovlenii-kulturnogo>